

* * *

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять —
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суeta?..
На сквозняках безразличной вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно, самозабвенно.

Ну, почему не спешит он сюда —
Тот, самый лучший на свете мужчина,
Что не разлюбит меня никогда,
Хоть и мечтал видеть первенцем сына?..

Где ж королевич мой, свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
“Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!”

* * *

Любимой меня не зови:
Не холодно мне и не жарко!
Давай посидим визави
Над нашей прощалью чаркой.

Напрасно, заученно рад,
Улыбчиво нам докучает
Услужливый официант —
Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: “Тащи ананас!
Шампанское — нет! Мораторий!..”
Печальная сказка про нас —
Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
Что вечного нет и не будет.
Иллюзии пустим на слом...
Делов-то! От нас не убудет!

Смеясь, ананас доедим,
Запьём поминалью чаркой...
И пыли веков предадим
Всё то, что искрилось так ярко.

Всё то, что ты мне не простил,
Лукавою славой обласкан...
И в сумерки цвета чернил
Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
Неважно, кто более ранен...
О нас и задолго до нас
Поведал поэт Северянин.

* * *

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну, так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое — истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
...Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приблуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить — чёрт возьми! — в себя!

* * *

Эх, не это, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены —
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
“Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..”
И — привычное, право, занятие! —
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт и кипит самовар?

Гость незваный получше татарина!..
Для кого же, не званного в дом,
Банька топлена, липа заварена
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну, нисколько не верится мне
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево —
Приюти дураков до утра!